

и г р ы • ч у ж о г о • р а з у м а

**Читайте остросюжетные романы Надежды и Николая Зориных
в серии «Игры чужого разума»:**

Реквием Сальери

Формула влияния

Числовой код бессмертия

Ловушка памяти

Эффект предвидения

Программист жизни

Надежда и Николай
ЗОРИНЫ

*Программист
жизни*

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-86

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете
Вячеслава Коробейникова

Зорина, Надежда.

3-86 Программист жизни / Надежда и Николай Зорины. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Игры чужого разума. Остросюжетные романы Н. и Н. Зориных).

ISBN 978-5-699-95524-4

У частного детектива Виктора Лаврова украли мобильный телефон — случай в наше время рядовой. Виктор одолжил старый ненужный аппарат у приятеля, технического гения Бориса Стотланда. С этого момента жизнь Виктора и его жены Полины превратилась в кошмар: в памяти телефона Бориса обнаружился снимок погибшего много лет назад восемнадцатилетнего брата Виктора, Стаса. Только на этом фото Стас выглядел на тридцать лет — именно столько ему было бы сейчас, останься он в живых. Полина, обладающая способностью проникать в сознание людей в пограничном состоянии между жизнью и смертью, настояла на том, чтобы «увидеть» момент гибели брата Виктора глазами Стаса. Однако ее видение настолько осложнило ситуацию, что поставило их с Виктором семейную жизнь на край гибели...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95524-4

© Зорина Н., Зорин Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Часть 1

В том, что на фотографии мой брат, у меня больше нет никаких сомнений. Это именно Стас, а не его двойник и не результат фотошопа. На снимке ему около тридцати. Это настолько невозможно, настолько абсурдно, что единственное объяснение, которое приходит мне в голову: я сошел с ума и сам того не заметил.

Стас погиб на моих глазах, когда ему было восемнадцать. Его сбила машина. Это произошло двенадцать лет назад. То есть сейчас ему было бы тридцать. Ровно столько, сколько мужчине на фотографии, как две капли воды похожему на моего брата. Похожему? Да нет, ведь сомнений, что это Стас, у меня больше не осталось. Это сначала я думал — двойник, фотошоп, обман зрения, прокручивал разные варианты, но теперь-то точно знаю, что никаких вариантов быть не может. Этот тридцатилетний мужчина в строгом костюме с кейсом в руке — Стас.

Означать это может только одно — безумие. Возможно, оно поразило меня тогда, двенадцать лет назад, и я вообразил гибель брата. А возможно, теперь, и мне только кажется, что я вижу эту фотографию.

Битый час я сижу, тупо уставившись в экран монитора, битый час пытаюсь найти другое объяснение. Все-таки сумасшедшим себя совсем не ощущаю. Я прекрасно помню, как все случилось. И сегодняшний день тоже помню в мельчайших подробностях. Он был удивительно счастливым, этот сегодняшний день. Из тех, когда испытываешь радость без всякой причины.

Мы с Полиной провели его на пляже, загорали, купались, пообедали в плавучем ресторанчике «Нептун», и все было так замечательно. Тайно, когда точно знал, что Полина не услышит щелчка, я ее фотографировал. Она этого терпеть не может, но мне просто необходимо было запечатлеть ее счастливое лицо, увековечить наш необыкновенно удачный день. А потом я жутко волновался, что снимки получились смазанными, все не мог дождаться ночи, когда моя утомленная переизбытком счастья жена ляжет спать и я смогу наконец это проверить. Возню с фотографиями она тоже не любит. Да это и понятно: нельзя любить то, что увидеть невозможно.

Я зря волновался, фотографии получились прекрасно, ни одна не смазалась, везде ракурс был выбран верно. Я любовался Полиной и испытывал самую настоящую эйфорию. Если бы кто-нибудь

заглянул в окно, он увидел бы блаженного идиота, сидящего в комнате за компьютером. Этот идиот разговаривал сам с собой, комментируя наиболее удачные кадры, самому себе улыбался. Хорошо, что мы живем на седьмом этаже, и никто в окно заглянуть не может. А впрочем, кому какое дело, я имел полное право радоваться и даже чуть-чуть гордиться. И собой, и Полиной. Нам нелегко пришлось. Три года назад Полина потеряла зрение и приобрела (взамен или в дополнение к несчастьям?) свой мучительный дар — видеть и слышать людей, находящихся между жизнью и смертью, проживать их последний час. Но на этих фотографиях она выглядела здоровой, счастливой, спокойной, уверенной в себе женщиной. Такой, как все женщины на пляже. Вот Полина идет к воде, так легко идет, так прямо держит спину, что и не скажешь, что никакой воды она не видит, не видит берега, не видит солнца, не видит меня, не отрывающего от нее глазка камеры телефона. И счастье, безудержное счастье наполняет меня: самое страшное осталось позади, она больше совсем не ощущает своей слепоты, да и ничто другое в этот момент ее не тревожит. Вот Полина плывет, вот Полина смеется, повернувшись ко мне, вот Полина загорает на покрывале. Полина, Полина, Полина... Я еле дождался ночи. Это белое платье на ней потрясающе смотрится. В этой шляпе она такая смешная... И вдруг мое счастье внезапно закончилось. Меня словно ударили наотмашь, так,

что дыхание прервалось. Фотография, которую я увидел в следующий момент, сбила, как шар кегли, все мое счастье.

В первый момент я был так потрясен, что даже думать ни о чем не мог. Потом, когда способность мыслить вернулась, я стал перебирать различные варианты объяснения: двойник, фотошоп, обман зрения. Но все они разбились о факты. Прежде всего я отмел возможность двойника. Два человека могут быть похожи. Допускаю, даже очень похожи, но у них не может быть одинаковой истории жизни, одинаковой «карты» лица, одинакового характера. Маленький, но вполне заметный шрамик над бровью доказывал, что это мой брат — я прекрасно помню его происхождение, родинка у носа доказывала, а главное доказательство — особенное выражение глаз и изгиб губ, словно он изо всех сил сдерживает приступ смеха. Прическа немного другая, но волосы — светло-русые, волнистые, пышные, слегка торчащие кверху, — безусловно, его.

Потом я проверил фото по специальной программе. Оказалось, что вмешательства редактора нет, фотография подлинная, не обработанная фотошопом.

И все же поверить в то, что Стас жив, я не могу. Снова и снова сравниваю образ этого тридцатилетнего мужчины с воспоминаниями о моем мертвом брате. Стас никогда не надел бы такой костюм, он совершенно не вяжется с его обликом, Стас никогда

не обзавелся бы таким кейсом, а главное — он не способен был на такую жестокую шутку: умереть, а потом вот так неожиданно воскреснуть.

Что же я делаю? Зачем пытаюсь себя убедить, что этот человек на снимке не может быть моим братом? Почему бы просто не радоваться, почему бы не предаться мечтам, пусть и о невозможном? Мой брат жив, мы с ним обязательно встретимся. Ведь случаются же время от времени чудеса.

Я устал, я измучился, но никак не могу заставить себя оторваться от экрана. Глубокая ночь. Самое лучшее, что я могу сделать, — это лечь спать. Утром, возможно, все будет восприниматься по-другому. Но фотография брата не желает меня отпускать, требует срочно найти какое-то объяснение, не откладывая на завтра.

Ну какое, какое объяснение можно найти? Ведь уже ясно, что человек на фотографии — не двойник моего брата и не результат фотошопа. Сначала, когда первое потрясение прошло, когда я отмел версию о двойнике, я подумал, что это шутка Бориса. Это он одолжил мне телефон, в котором и оказалась фотография Стаса. «Состарить» лицо в фотошопе этому техническому гению не составило бы труда.

По дороге на пляж мы с Полиной решили заехать к нему, оставить аванс за новую чудо-камеру скрытого наблюдения. Борис Стотланд — поставщик «шпионской» техники, без которой в нашем деле

частных детективов не обойтись. Но с нами произошло одно происшествие.

Мы попали в пробку и застряли довольно долго. К машине подошел мальчик лет десяти, попросил денег на хлеб и рассказал свою печальную историю. Знаю-знаю, что все это только разводка для дураков, штамп разводки, классика жанра. Но отказывать детям я не могу, просто физически не могу. И, конечно, последствия не заставили себя ждать.

Пропажу телефона я обнаружил уже у Бориса. Мобильник лежал у меня в кармане рубашки — вытащить его не составило бы труда любому начинающему воришке. Борис, проникнувшись ситуацией, одолжил мне свой старый телефон. Объяснил, что камера в нем прекрасная, а вот батарея никуда не годится, зарядку держит недолго, поэтому он и пользовался телефоном мало — промучившись пару месяцев, купил новый. Я его поблагодарил, и мы с Полиной отправились отдыхать.

Так что подозрения мои в первую очередь пали на Бориса. Я схватил мобильник и стал ему звонить, но у него телефон был отключен. И только потом я сообразил посмотреть на часы — оказалось, что уже половина второго. Борис на ночь отключается от всего мира. Он вообще человек со странностями.

Я снова повернулся к экрану монитора, отчаянно надеясь, что картинка изменилась — морок прошел, на фотографии окажется не Стас, а какой-нибудь

незнакомый человек, слегка похожий на моего брата. Но, конечно, ничего измениться не могло. Вот он, шрам, вот она, родинка, вот его особая улыбка. Безумие продолжалось. И, уже отдаваясь ему вполне, я провел пальцем по шраму. «Ты помнишь, как это случилось? — спросил я брата. — А я помню».

Стасу тогда было девять лет. Родители на день рождения подарили ему ролики. Он удивительно быстро научился кататься. Буквально встал и поехал. Его легкое, гибкое тело просто создано было для роликов. Но кататься по дорожкам в парке ему быстро надоело, он стал придумывать всякие штуки: то по лестнице с пятого этажа съедет, то с крышки мусорного бака спрыгнет. А однажды, демонстрируя мне, как здорово он умеет кататься, съехал с крыши подвала, но неудачно — угодил в открытый канализационный люк прямо на голову сантехнику, который что-то там чинил. Стас довольно сильно ударился головой, разбил лицо. В конце концов все обошлось, только небольшой шрамик над бровью остался, но в тот момент... Не знаю, чего было больше: крови, мата рабочего, ужаса мамы, когда я позвонил ей из приемного покоя травматологии. Стас, когда ему зашили голову, вежливо поблагодарил хирурга и спросил, когда приходить в следующий раз. Хирург рассмеялся, чем очень обидел Стаса, и сказал, что самое лучшее — не приходить никогда.

Боже мой, как давно я не вспоминал эту историю! Как давно я не вспоминал Стаса! Я научился

жить так, будто у меня никогда не было брата. Это было непросто! А теперь придется начинать сначала. Воспоминания замучают. Воспоминания и это невыносимое чувство вины.

Но что, если он жив? Ведь эта фотография как раз и доказывает...

Ничего она не доказывает! Я помню, как он погиб. Я помню, как мы его хоронили. На кладбище, когда настала моя очередь прощаться, я точно так же провел пальцем по его шраму. Я помню, помню это страшное ощущение: прикосновение к неодушевленному предмету. Не может этот тридцатилетний мужчина на фотографии быть моим братом! Но кто он тогда?

Я услышал, как в соседней комнате заворочалась Полина. Или мне это только показалось? Полина... Сегодняшний день был таким счастливым! И вся моя жизнь после того, как я смог успокоиться, отрешиться от мертвого брата, была вполне счастливой. Но ведь какой ценой мне это далось! Несправедливо, нечестно снова возвращать меня в безнадежный кошмар его смерти. Я не хочу, не могу опять проходить этот путь. И не буду! Кто меня может заставить? Вот возьму сейчас и «грохну» эту невозможную фотографию, уйду спать, а наутро и не вспомню о том, что произошло сегодня. Кто меня за это осудит? Кто посмеет осудить? Да никто ведь о фотографии и не знает...

Знает. Борис Стотланд. И не только знает, но и как-то ко всему этому причастен. Вот только как и к чему? Предположить, что он сфотографировал Стаса, я не могу. Это просто невозможно. Стас умер двенадцать лет назад. Обработка фотошопом исключается. Что же тогда?

Чтобы окончательно не сойти с ума, я заставляю себя оторваться от экрана, поднимаюсь, заглядываю в спальню. Полина спит. Так спокойно, по-детски спит, что мне хочется лечь рядом, прижаться к ней и выбросить из головы того, кто остался на экране. Из окна сквозь неплотно задернутые шторы льется лунный свет фонаря, мне прекрасно видно ее лицо. Я наклоняюсь к Полине, тихонько целую ее в освещенный белым, лунным светом фонаря лоб и возвращаюсь на свою голгофу. На экране мой брат. Ему тридцать лет. И что с этим делать — неизвестно.

Мы страшно тяжело переживали его смерть — и родители, и я. Но каждый сходил с ума в одиночку. Почему-то эта трагедия нас совершенно разобщила. Раньше у нас была дружная, счастливая семья, а после похорон Стаса она тут же распалась на отдельных, посторонних друг другу сумасшедших. Отец ни с кем вообще не разговаривал, жил как квартирант, поссорившийся со своими соседями. Мама, совершенно с нами не считаясь, повсюду развесила фотографии Стаса. В комнате, нашей с братом общей, а теперь только моей, не позволяла ничего ни менять, ни убирать. Рубашка Стаса, кото-

рую он в тот день кинул на кровать перед выходом из дома, так и пролежала там весь год. С его стола, заваленного конспектами и распечатками, даже пыль не стирали. А я... Такое разобщение семьи произошло потому, что каждый из нас обвинял себя в его смерти. Но я-то был больше всех виноват, ведь Стас погиб на моих глазах. Больше всех виноват и больше всех прикован к его смерти. Я продолжал жить в этой комнате, где мы обретались вдвоем, где все еще звучал его голос, его смех, его шуточки... где так и осталась лежать его рубашка на кровати.

Может, тогда-то и произошел сдвиг у меня в голове. Может, тогда позвонили... откуда-нибудь... с кладбища! И сказали, что его смерть — ошибка, но я этого не воспринял, не понял. Продолжал лежать на соседней с рубашкой кровати в комнате с призраком мертвого брата, прокручивать в голове воспоминания о нем, живом. Эта комната затягивала меня в свой омут. В университет я не ходил, ничего не делал, изводил себя воспоминаниями, но в голове вдруг начинал звучать набат этих черных колоколов из композиции «Black Sabbath» — и сцена смерти Стаса возникала отчетливо, ярко, как на экране.

Как же не вяжется этот строгий костюм с образом моего брата! Не вяжется и чем-то тревожит — не могу понять чем. Он никогда не носил никаких костюмов. Когда он погиб, на нем были потрепанные джинсы и ярко-оранжевая футболка с надписью:

«Стас над вами смеется». Он смеялся над всем и всегда. Неужели и теперь вот так посмеялся?

Выскочить из этого безумия я смог благодаря моему однокурснику Серге Битову. Однажды он появился в моей комнате, стащил с кровати и привел в свой подвал, где репетировала рок-группа, которую Серега тогда как раз организовал. Я играл на бас-гитаре, впрочем, очень посредственно, и в тот момент о чем о чем, а о музыке и думать не хотелось, мне хватало моих колоколов в голове. Но Серега настоял, я вошел в группу, и мы даже пару раз выступили. Потом группа распалась, но дело было сделано: от безумия я спасся. Встряхнулся, понял, что от призрака нужно бежать, чем скорее, тем лучше, и переехал в квартиру, оставшуюся после смерти бабушки. Родители были категорически против, но я настоял на своем. Мы даже рассорились. А когда месяца через три заехал их навестить, от Стаса не только в нашей бывшей комнате, но и во всей квартире не осталось и следа. Все его вещи, все фотографии были убраны. И с тех пор мы о нем никогда не говорили, даже имя его не упоминалось в нашей семье.

Но, может, я ошибался тогда? Ни от какого безумия вовсе не спасся, а, наоборот, увяз в нем окончательно? Или оно затаилось на время, чтобы нанести удар сейчас?

Я никогда никому не рассказывал эту историю, даже Полине. Она знает лишь, что у меня был млад-